

УДК 316.613

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «Я» В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДАННЫЕ НАУЧНОЙ ИНТРОСПЕКЦИИ

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

Статья представляет собой анализ состояния проблемы исследования феномена «я», который был выполнен американским психологом М. У. Кэлкинз в 1915 г. Современные ей психологи самоустранились от «я» на том основании, что научная интроспекция потерпела неудачу, пытаясь его обнаружить.

Ключевые слова: идентичность, «я», интроспекция, определение, восприятие.

The Problem of «Self» Studies' Condition in Early XX Century: Scientific Introspection Data

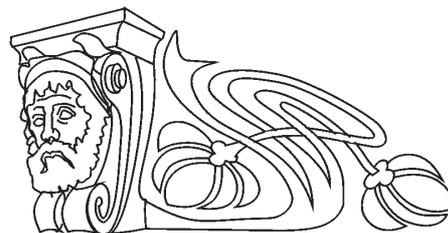
Yu. V. Stavropolsky

The research expands an analysis of the problem of the «self» phenomenon research undertaken by an American psychologist M. W. Calkins in 1915. Her contemporary psychologists evaded the «self» justifying by that the scientific psychology had failed to detect it.

Key words: identity, «self», introspection, detection, perception.

Достаточно внимательный анализ состояния проблемы исследования феномена «я» был выполнен американским психологом М. У. Кэлкинз, которая в своей статье подвела итог попыткам обнаружить и исследовать феномен «я»¹. Наше рассмотрение проблемы «я»-аспектов идентичности целесообразно начать с обсуждения тех промежуточных итогов, о которых Кэлкинз могла писать в 1915 г. как о бесспорной научной реальности, либо способствующей, либо затрудняющей дальнейшее развитие психологии «я» в тот период, когда основным методом исследования «я» оставалась интроспекция. По этой причине она подробно останавливается в своей статье на рассмотрении метода интроспекции и его пригодности для исследования данного психологического феномена.

М. У. Кэлкинз пишет о том, что современные ей психологи часто самоустраниются от «я» на том основании, что научная интроспекция потерпела неудачу, пытаясь его обнаружить. Данная проблема оказывается двойкой. Во-первых, соответствует ли истине сам факт, что ученые-психологи действительно не обнаружили следов «я»? Во-вторых, если данный факт следует признать, то невозможность предъявить «я» вызвана неадекватностью методов либо тем, что «я» не существует? Как говорит Кэлкинз, лиса вообще нет или он избегает тех ловушек, которые мы для него поставили?

В 1915 году М. У. Кэлкинз могла заявить, что «я» не поддается определению. Дать определение – значит приписать определяемый объект к данному классу и отличать его от других членов этого класса, а «я» есть sui generis и потому не подвластно определению. Далее следует важная оговорка: «я», хотя и не поддающееся определению, в данном аспекте не является стихийным, а потому недоступным описанию. Особенности переживаемого «я», на котором психологи, изучающие этот феномен, делают свой акцент, – это, во-первых, его устойчивость, или «я»-идентичность; во-вторых, его индивидуальность или уникальность; в-третьих, то, что оно фундаментально или базально для своих переживаний, и, наконец, тот факт, что оно соотносится с окружением, социальным и физическим.

М. У. Кэлкинз называет следующие характеристики «я»²:

1) начиная с С. Милля с его известным примечанием к «Анализу феномена человеческого сознания» Дж. Милля, до Н. Данлэпа, который полагал, что Эго есть существеннейшая предпосылка психологии, каждый, кто допускает существование «я», наделяет его относительной устойчивостью, или идентичностью. «Предположим, – говорит Данлэп, – три пункта содержания – а, b, и с. Предположим, что мне известно а, затем b и затем с. Тот факт, что я воспринимаю все три, остается окончательным фактом <...>. Важно то, что эти три пункта воспринимаются одним и тем же “я”. Восприятия не тождественны, они могут быть разделены значительными интервалами. Что есть идентичность? Просто идентичность “я”»³;

2) индивидуальность, или уникальность каждого «я» есть характеристика, отличающая его от каждого другого: все психологи, изучающие «я», а часто даже те, которые его отрицают, соглашаются с тем, что психические факты принадлежат индивидам, что чувства принадлежат мне либо кому-нибудь еще;

3) и стабильность, и индивидуальность «я» подразумевают тот факт, что оно базально по отношению к специфическим, конкретным переживаниям – восприятию, воображению и эмоциям. Все подлинные психические процессы являются состояниями или функциями субъекта

и принадлежат «я», либо, по более простому утверждению Н. Данлэпа: «Мы не можем вести речь о переживаниях без участия “я”, которое переживает». Несомненно, что «я» никогда не отделяется от конкретных переживаний, оно не есть нечто существующее само для себя переживаний. Напротив, переживания существуют в «я»; говоря словами Н. Аха, оно образует для них «необходимый фундамент»;

4) отнесенность «я» к объектам, образующим его окружение, особо подчеркивается «социальными» и «дифференциальными» психологами Дж. Уордом, Митчеллом и И. Ремке, а также теми «функциональными» психологами, которые допускают существование «я».

Несомненно, подытоживает М. У. Кэлкинз, что психологическое описание «я» следует прояснить, расширить и обогатить усилиями всех психологов, работающих во всех областях нашей науки. Подобно другим наукам, в начале XX в. в психологии применялись два метода – наблюдение и эксперимент. Эксперимент всегда предполагает наблюдение, но, в отличие от наблюдения, имеет двустороннюю цель – содействие анализу и объяснение наблюдаемых фактов благодаря раскрытию их отношения друг к другу либо к другим феноменам. Соответственно, для изучения феномена «я» психологами начала XX в. применялось наблюдение в виде интроспекции.

М. У. Кэлкинз отмечает, что психологию можно называть экспериментальной лишь до тех пор, пока она имеет дело с перцептивным опытом либо с моторными реакциями, обуславливающими, сопутствующими либо следующими за сознанием. Но такое расширение понятия эксперимента оставляло мало надежды на то, что «я» будет открыто в ходе эксперимента. В экспериментах с восприятием и сопутствующими формами сознания наблюдать «я» практически невозможно, а исследование моторных реакций при всей их важности оставалось вспомогательным разделом психологии.

Неизбежное присутствие «я» во всех переживаниях создает препятствия к тому, чтобы открыть «я» экспериментальным путем. М. У. Кэлкинз формулирует эту трудность следующим образом: феномен, который исследуется экспериментально, можно рассматривать в качестве следствия искусственного манипулирования стимулами. Таким образом, о задуманном эксперименте следует судить по его соответствию признанным индуктивным методам. При данных условиях в экспериментальном исследовании любого феномена, например X, необходимо сначала исследовать повторяющиеся феномены, включающие в себя X, а затем – серию феноменов, напоминающих первую группу во всем, кроме того, что они исключают X. И только в случае согласованности между результатами обеих частей исследования будут получены строго валидные экспериментальные результаты. Но такое исключение X, когда X

есть «я», очевидно, никогда не может быть выполнено, если все, что я осознаю, я осознаю от лица собственного «я». И такая вездесущность «я» делает его непригодным в качестве объекта эксперимента.

Выводы М. У. Кэлкинз из данного рассмотрения эксперимента в качестве психологического метода таковы: эксперимент возможен лишь при условии модификации физического смысла этого слова применительно к психологии как к целому. А психологический эксперимент плохо адаптирован к исследованию «я» по двум причинам. Поскольку «я» «вездесуще», мы не можем проверить его присутствия при строго верифицируемых экспериментальных условиях⁴. Вторая причина – так как «я» не выделяется в восприятии и воображении, мы вряд ли найдем его с помощью немодифицированного экспериментального метода, который необходимо ограничить главным образом областью чувственных переживаний.

В связи с этим, по мнению М. У. Кэлкинз, возрастает роль экспериментальной интроспекции. С помощью данного метода научная психология медленно раздвигает свои границы за пределы психологии ощущений. В частности, суждение и сравнение, познание и воля были исследованы с помощью методов более или менее строго регулируемого наблюдения. При управляемой интроспекции, проводимой указанным образом, «я», если оно существует, должно быть обнаружено. Критика «я»-психологии во многом оправдывается тем, что настаивает: у «я» нет никакого статуса в научной психологии до тех пор, пока оно не будет открыто с помощью этого метода.

Большой интерес представляет более подробный анализ осознания деятельности. Пост-рефлексия на осознание деятельности приводит интроспекторов к выводу о том, что «я» не обнаруживается в момент произвольной деятельности, но что оно навязывает себя субъекту, когда он принимается точно описывать то, что произошло. Тем самым подтверждается концепция воли как «я»-активности, недвусмысленно позволяющая находить в воле деятельность «я».

Н. Ах аналитически выделяет в первичных, или «энергичных» волевых актах четыре. Первая, перцептивная фаза (*das anschauliche Moment*) состоит из напряженного ощущения, характеризующего внимание. Вторая, объективная фаза – обычное сознание, воспроизводимое с помощью вербального языка, но иногда сознание, в котором отсутствуют образы или *Bewusstheit* – конца, или цели волевого желания. Третья и самая важная – актуальная фаза, описанная Н. Ахом как деятельность (*Betätigung*), отношение (*Stellungnahme*), сознание, «я сделаю». Четвертая и завершающая – осознание трудности и напряжения (*Anstrengung*). Н. Ах контрастно противопоставляет ее как состояние (*zuständliches*

Moment) деятельности воли и относит в одну группу вместе с сомнением, смущением и удивлением – к *Bewusstseinslagen*⁵.

Из этих четырех фаз сознание завершения и «я»-деятельности наиболее важно, их надлежит рассматривать в тесной связи друг с другом. Завершение волевого желания всегда в экспериментах Н. Аха есть само по себе действие, и это действие – не «действие вообще», но поступок, который «я» должно совершить, т. е. он включает осознание «я». Этот специфический акт, который образует итог и результат действия воли, нужно самым тщательным образом отличать от той деятельности (*Betätigung*), в которую включена воля и в которой, повторяет Н. Ах, «я»-аспект (*die Ichseite*) психических событий явно заметен. «Я» образует на самом деле отправную точку отношения к объективному моменту, т. е. к завершению. Подобное осознание завершения, подлежащее осуществлению через «я», несет с собой осознание исключения всякой иной возможности и, с точки зрения исследователя, способствует объяснению действительной, объективной эффективности, которая отличает волю от простого намерения.

Н. Ах приписывает еще одну характеристику первой фазе: на этом уровне «я»-деятельность всегда сливается с сознанием будущего достижения и «*ich will*» эквивалентно «*ich will wirklich*». Иными словами, «я» осознает себя антецедентом той цели, которая должна быть достигнута, а объект воли – зависимым от себя.

Самое значимое из положений этого ученого связано с переживанием власти или способности. Сознание свершения, которым сопровождается достижение волевой цели, включает в себя, по его словам, осознанность, выражаемую словами «я могу». В этом – ядро чувства независимости и эмоции самоуважения; в этом – основа моей уверенности в свободе выбора.

Анализ Н. Аха воли и достижений сопровождается рассмотрением трех субформ волевых актов: сокращенного, слабого и привычного веления. Важнее всего слабый волевой акт (*das schwache Wollen*), который отличается тем, что подчеркиваемая осознанность «я сделаю», имеющая важнейшее значение для первичного волевого акта, заменяется двусторонним осознанием – относительно безличной осознанностью «это должно произойти» (*es soll*) и относительно неактивным сознанием «я готов» (*Ich bin bereit*). Очевидно, исключение иных возможностей и антиципируемое осознание или необходимость – миновать цель – отсутствуют в слабом волевом акте. Сопоставимая форма ослабленной воли – переживание, выражаемое словами «я должен» или «мне надлежит», подразумевающее безусловное подчинение себя предписанной задаче.

Изложение Н. Аха изобилует темами, интересными для исследователя воли: например, утверждение о том, что его испытуемые никогда

не называли удовольствие (*Lust*) или его противоположность (*Unlust*) при описании «первичного акта воли», и его настойчивость в том, что не инструкция как таковая, но сообщение или получение инструкций должно рассматриваться в качестве детерминирующего выбор фактора. Но мы читаем Н. Аха для того, чтобы ответить на вопрос: раскрывается ли «я» в экспериментальной интроспекции? М. У. Кэлкинз дает на этот вопрос несомненно однозначный ответ, поскольку, говоря о «“я”-аспекте психического феномена», Н. Ах подразумевает, что любое переживание предполагает осознание «я». Можно следующим образом сформулировать роль «я» в волевом акте: во-первых, в осознании цели как того, что мне необходимо осуществить в будущем; во-вторых, в осознании готовности: «Я готов выполнить это, когда будет необходимо», – что отличает ослабленную волю; в-третьих, в полной «я»-деятельности первичной воли. Наконец, Н. Ах предлагает нам, по крайней мере, обнадеживающее начало научного описания волевого «я». Он справедливо выделяет «я»-деятельность как элементный аспект, отличающий волю, хотя и находит в воле не только такое осознание деятельности, но и другие характеристики. И ученый классифицирует формы воли в зависимости от относительного преобладания осознания-активности. Следует подчеркнуть в заключение, что Ах считает: «я» переживается (*erlebt*), а не просто полагается существующим.

Н. Ах утверждает существование «я» на основании непосредственной интроспекции. Список психологов, обобщает М. У. Кэлкинз, которые более или менее явно признают существование «я», включает в себя авторов, основывающих свои утверждения либо на непреднамеренных, либо на систематических наблюдениях, даже когда они открыто об этом не говорят. Одна группа авторов, насколько это возможно, исключается – это приверженцы гипотезы просто-полагаемого «я». Они верят в психологию без «я», в то, что сознание может быть адекватно описано, не прибегая к «я»; в то же время они считают, что определенные свойства сознания предполагают существование «я» фундаментальным по отношению к конкретным переживаниям. Такое полагаемое «я», однако, представляет интерес для философов, а не для психологов, потому что психолог изучает то, что непосредственно осознается, а не то, что затем рефлексивно отражается. Допущение, к примеру, того, что «я» должно присутствовать в акте познания, не доказывает того, что акт познания был переживанием этого «я»; но лишь с непосредственно переживаемым «я» может иметь дело психология познания. «Я», понимаемое таким образом, играет определенную роль в психологии, сопоставимую с ролью материи или молекулы в физике – роль не наблюдаемого, но предполагаемого факта, а потому гипотетического условия наблюдаемых фактов.

По мнению М. У. Кэлкинз, психологи, интересующиеся проблемой исследования «я», за исключением тех кто философствует, образуют две группы. Первая и самая большая включает считающих, что мы создаем «я» в определенных переживаниях: многие психологи, придерживающиеся самых разных взглядов, описывают либо описывали аффективное сознание как «субъективное». Познание, так же как и эмоции, признается все большим числом психологов, включающим в себя сознание «я». К этой группе М. У. Кэлкинз относит Дж. Милля, Дж. М. Болдуина, У. Джеймса, Э. Клапареда и Нечаева, являющихся сторонниками точки зрения, согласно которой познание состоит из переживаемого самоосознания того, что я ранее испытывал. В дополнение следует назвать Е. Дюрра, поскольку он считает, что именно в акте самосознания и формируется (*ausmacht*) память. В воле, в представлении и в родственных переживаниях непосредственное осознание активного, субмиссивного или усвоенного «я». Е. Мейманн, например, говорит о том, что воля состоит из знания о том, во-первых, что я согласен с поставленной целью (*der dem Ziele zustimmende*), и во-вторых, что это согласие и моя собственная фиксация на цели управляются психическим механизмом исполнения деятельности (*Handlung*). Ч. Майерс, наконец, приписывает «я»-осознание всем психическим переживаниям за исключением чистых ощущений. Он полагает, что во всех актах апперцепции, мышления, воли, воображения и т. д. участвует «я».

Точка зрения, подобная высказываемой Ч. Майерсом, почти незаметно переходит в концепцию психологии «я» в полном смысле этого слова, в соответствии с которой все сознание есть сознание «я», а психолог поэтому волей-неволей исследует его. В соответствии с этой концепцией, которой придерживается вторая группа ученых, «я» как объект непосредственного психологического исследования грубо сравнимо не с эфиром или с молекулой, но – позволено нам будет сказать – со светом или с воздухом.

Было бы уместно в этой связи, продолжает М. У. Кэлкинз, отметить одно преимущество полной формы психологии «я». Оно связано с рассмотрением огромной трудности, возникающей для другой теории, согласно которой мы иногда, но не всегда, осознаем «я», в частности, только в чувстве и в воле, а не в восприятии и воображении. Ведь если мы не способны чувствовать, соизволять или сомневаться, не осознавая «я», то представляется antecedently вероятным, что «я» существенно также для восприятия. Аналогичная трудность присутствует в сходной концепции, согласно которой зрелый и цивилизованный человек – не ребенок, не дикарь и не животное – обладает сознанием «я»: здесь опять возникает проблема объяснения того, почему и в какой момент самосознание должно накладываться на сознание. Приняв существование

сознания «я» как должное, было бы, по крайней мере, проще предположить его существующим всегда. Нежелание согласиться с тем, что «я» инвариантно переживается в каждом осознании, есть в действительности следствие ошибочного взгляда, в соответствии с которым оно должно обнаруживаться только в сложных и преимущественно интеллектуальных переживаниях, тогда как по-настоящему его можно почувствовать в каждом примитивном и неразвитом осознании.

Психология «я» в ее полной форме, учение о том, что сознание всегда предполагает осознание «я», разрабатывалось Дж. Уордом, Й. Ремке, Р. Йерксом, Э. Гэмбл, Дж. Энджеллом и Ч. С. Джаддом. Дж. Энджелл говорит о «конкретном актуальном “я”». Он считает, что нормальное человеческое сознание никогда не есть простая нить состояний сознания. Оно всегда единство, в котором прошлое, настоящее и даже будущее вызывает чувство связи, формируемой интимно-личностным образом. А Джадд с одобрением упоминает ту позицию, согласно которой каждый человек с самого начала обладает непосредственным познанием «я», при условии что это учение будет дополнено признанием очевидной особенности – что это непосредственное осознание «я» не одно и то же в детстве и в зрелой жизни. Наконец, Е. Мейманн, Е. Дюрр, А. Пфендер и Н. Ах должны быть включены в число тех, кто открыто полагает, что в переживании всегда присутствует осознание «я».

Итак, многие психологи уверены в том, что осознают «я» и что не только непреднамеренная, но и экспериментальная интроспекция открыла это «я». Но остается вопрос: психолог, занимающийся проблемой «я», должен объяснить тот факт, что большое количество, вероятно, большинство психологов отрицает или игнорирует «я». Вообще такое отношение враждебности или незаинтересованности, по мнению М. У. Кэлкинз, объясняется тем, что психологи, о которых идет речь, не усматривают никаких следов «я» в своих собственных интроспекциях и в отчетах своих испытуемых и что они, соответственно, ставят под сомнение точность интроспективных отчетов относительно «я». Проблему, стоящую перед психологией «я», М. У. Кэлкинз формулирует следующим образом: если «я» действительно можно обнаружить с помощью научной интроспекции, то почему не каждый квалифицированный интроспектор сообщает об этом осознании «я»? В своих попытках ответить на этот вопрос психолог «я» прежде всего обратится к проблеме изложения фактов. Он обнаружит, что технические работы психологии без «я» полны терминов, присущих психологии «я»; что они избилуют ссылками на переживания, которые «я отмечаю» или которые «меня интересуют», либо определениями физической реальности, которая «переживается отдельно взятым субъектом». Одним словом, в психологии без «я» постоянно

подразумевается субъект, или «я», стабильно отличающийся от своих переживаний. Психологу, исследующему проблему «я», представляется напрасным объяснять эту застарелую привычку обращением к «я», диктуемым языковыми условностями, поскольку условие признания «я» как раз и есть тот факт, который требует объяснения.

Даже в экспериментальных протоколах психологии без «я» ведется речь о «субъективных» установках и проводится различие между «субъективными» и «объективными» интроспекторами. А в тщательно разработанных современных концепциях «установки» (*Bewusstseinslage*) и «обучения» или «проблемы» (*Aufgabe*), как и в возрожденных категориях «деятельности» и «диспозиции», психологи «я» находят наиболее очевидные указания на «я». Им представляется невозможным, чтобы сознание обучения происходило иначе, кроме как в форме осознания того, что кто-то обучается кем-то еще; и равно невозможно осознание установки, деятельности или диспозиции, кроме осознаваемых «я», которые активны, обладают диспозициями и сформированными установками.

Однако хотя психология без «я» и переоскакивает через это очевидное обстоятельство,

она всегда предполагает «я», и для психолога, занимающегося проблемой «я», очень трудно, если не невозможно, в каждом конкретном случае опровергнуть утверждение психологии без «я» о том, что термины «я» и «ты» суть лишь «вербальные лейблы».

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-06-01303 а/Б «Психосоциальные проблемы трудовой миграции и адаптации этнических мигрантов»).

Примечания

- ¹ См.: *Calkins M. W.* The Self in Scientific Psychology // *American J. of Psychology.* 1915. № 26. P. 495–524.
- ² См.: *Calkins M. W.* Psychology : What Is It About // *J. of Philosophy.* 1908. № 5. P. 65–67.
- ³ См.: *Dunlap K.* The Self and the Ego // *Psychological Review.* 1914. № 21. P. 62.
- ⁴ См.: *Ferry R. B.* The Egocentric Predicament // *J. of Philosophy.* 1910. № 7. P. 56.
- ⁵ См.: *Ach N.* Über den Willensakt und das Temperament, eine experimentelle Untersuchung. Leipzig, 1910. 324 s.